

Н.И. ПИРОГОВ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ И ЖИЗНЕННЫЕ РЕАЛИИ N.I. PIROGOV – PEDAGOGICAL IDEALS AND REALITIES OF LIFE

Богуславский М.В.

Главный научный сотрудник
лаборатории методологии историко-педагогических исследований ИТИП РАО,
доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
E-mail: hist2001@mail.ru

Boguslavsky M.V.

Chief research scientist of the Scientific Council
on the History of Education and Pedagogy
(Russian Academy of Education),
Doctor of Science (Education), Professor,
Associate member of Russian Academy of Education

Аннотация. Характеризуется процесс становления и развития философско-педагогической системы идей и взглядов выдающегося российского врача и педагогического мыслителя-гуманиста Н.И. Пирогова. Выделяются основные этапы формирования его педагогического мировоззрения, связанного с воспитанием Человека.

Annotation. The article characterizes the process of formation and development of the philosopho-pedagogical system of ideas and sights of the outstanding russian doctor and pedagogical thinker-humanist N.I. Pirogov. It separates the basic stages of formation of his pedagogical worldview connected with education of the Person.

Ключевые слова. Философия образования, гуманистическая педагогика, педагогические идеалы, воспитательный процесс.

Keywords. Philosophy of education, humanistic pedagogics, pedagogical ideals, educational process

Выдающийся ученый, гражданин и патриот России Николай Иванович Пирогов (13(25).11.1810 г.–23.11(5.12).1881 г.) из своей более чем полувековой научной и общественной деятельности образовательному поприщу посвятил менее пяти лет. Но этого хватило, чтобы его имя заняло неотъемлемое место среди крупнейших отечественных педагогических мыслителей и деятелей образования. Сейчас, когда в российском образовании вновь самое серьезное внимание обращено к вопросам духовно-нравственного воспитания, идеи и взгляды педагога-гуманиста приобретают особую актуальность. Складывается убежденность, что, наконец-то, наступает время Пирогова.

Век назад, в 1910 году, педагогической общественностью широко отмечалось столетие со дня рождения Н.И. Пирогова. Среди прозвучавших тогда многих выступлений и опубликованных книг и статей выделим суждение известного общественного деятеля С.А. Золотарева: «Чествование Пирогова не может ограничиваться одним только признанием его исторических заслуг. Его мысли нужны нам самим. Исторические имена то ж, что боевые знамена. В благоговейном молчании подходят к ним, когда они хранятся в музеях и пантеонах. Но, чтобы попасть туда, они раньше должны были реять в воздухе, среди бранного шума над местом ожесточенной схватки. Имя Пирогова заслуживает бессмертия и зовет наше учительство не к праздному восторгу, а к организованной борьбе за свободную единую школу, за права личности и учащихся, и учащихся, за торжество научной истины и общественной правды» [1, с. 28–29].

Впечатляющую характеристику личности Н.И. Пирогова дал известный психолог И.А. Сикорский: «Подобно всем великим людям Пирогов, уже в самую раннюю пору жизни, восчувствовал в себе широкую программу своего существования и всю ее исполнил до конца, невзирая на ее сложности и размеры. В течение всей жизни он проявлял чрезвычайную, настойчивую, неустанную деятельность. Одаренный колоссальным самообладанием он был стоек, терпелив, смел, бодро переносил удары судьбы. Несокрушимая воля составляла главный нерв его натуры и дала ему возможность закладывать и строить здание там, где почва еще вовсе не была готова. С редкою силою воли у него соединялась глубина и проницательность нежного сердца, дававшая ему возможность чувствовать пульс жизни и событий там, где взор обыкновенного человека ничего не замечал» [2, с. 31].

Естественно, деятельность Н.И. Пирогова и система его педагогических идей и взглядов на протяжении полутора веков постоянно подвергались изучению, трактовке и оценке с позиций современного на тот период положения системы образования. При этом подчеркнем, что при общей несомненной позитивной оценке присутствовал определенный хронологический диссонанс. Одни считали педагогические взгляды Пирогова устаревшими, относящимися к допетровской церковной педагогике, а другие – их было абсолютное большинство – относили их к самому далекому будущему, которое, впрочем, вряд ли когда-нибудь наступит.

Высокую и точную оценку дал Н.И. Пирогову П.Ф. Каптерев: «Мы имеем в нем убежденного педагога-гуманиста и притом интеллектуалиста чистой воды. Пирогов отходит от нас не в прошлое, а в будущее, становится не позади, а далеко впереди нас. Ему еще предстоит жизнь, его время еще придет, то есть осуществление его идей, еще не выполненных в настоящем, принадлежит будущему. Его можно сравнить с Вифлеемской звездой, показавшей путь волхвам к истине – Христу» [3, с. 28–29].

Сам Н.И. Пирогов прекрасно понимал «идеальный» характер своей педагогической концепции. Он писал, обращаясь к обществу: «Вы скажете, что это общие риторические фразы. Но я не виноват, что без них не могу выразить того идеала, которого достигнуть я так горячо, так искренне желаю и моим, и нашим детям. Не требуйте от меня большего; больше этого у меня нет ничего на свете» [4, с. 30].

Процесс генезиса и развития системы педагогических идеалов Н.И. Пирогова включал пять взаимосвязанных периодов.

Первый – философско-мировоззренческий – охватывает период до середины 50-х годов XIX века. На протяжении этого длительного периода происходило становление основ системы идей и взглядов Н.И. Пирогова. По выражению В.А. Волковича: «про Пирогова можно сказать, что вся педагогическая система его есть глубокое воплощение личности его. Центральным ядром педагогической системы Н.И. Пирогова является идеализм и любовь к человечеству» [5, с. 69].

Корни философско-педагогического мировоззрения Н.И. Пирогова очень глубоки и уходят они, как это и бывает, в детство. Большое влияние оказал весь уклад крепкой, набожной (в семье строго и убежденно соблюдали все религиозные обряды) и патриархальной многодетной (в семье было 14 детей) семьи Пироговых. Родителями Николаю Ивановичу оказались прочно привиты системообразующие качества его личности: истинная религиозность, искренний патриотизм и глубокая любовь к России.

Это было обусловлено тем, что религиозное воспитание оставило глубокий след в душе мальчика и, несомненно, в значительной степени определило склад его дальнейших воззрений. А патриотизм базировался на рассказах отца – участника Отечественной войны 1812 года. Образ отцовской сабли в старых ножнах Пирогов пронес через всю жизнь.

Следующим жизненным фактором, оказавшим серьезное влияние на формирование мировоззрения мыслителя, оказалась его учеба на медицинском факультете Московского университета, куда он поступил 24 сентября 1824 года, то есть в неполные 14 лет. Это время, предшествующее восстанию декабристов, отличалось очень насыщенной общественной жизнью, страстным обсуждением положения в стране и напряженным поиском путей дальнейшего развития государства и общества.

В университете подросток Пирогов оказался включенным в деятельность вольнодумного студенческого общественно-литературного «кружка 10 нумера» (по комнате в общежитии). И хотя взгляды самого Пирогова неизменно оставались достаточно консервативными, студенческие годы

привели к складыванию двух важных черт его личности: привили глубокий и неизменный интерес к общественной жизни, а также предопределили широкий демократизм, столь выделявший его в последующие годы. Но вместе с тем вся эта студенческая атмосфера на длительный период вызвала его охлаждение к религии. Он становится материалистом.

Важный внутренний этап формирования мировоззрения охватывает 1828–1830-е годы и приходится на время учебы и практической деятельности Н.И. Пирогова в Дерптском (Тартуском) университете и в Германии.

Здесь, несомненно, можно выделить два важных фактора. Прежде всего, глубокое влияние на молодого человека оказали великая немецкая философия начала XIX века, буквально пронизанная общечеловеческими идеями, стремлением к Абсолюту, высоким идеализмом, а также труды немецких педагогов-идеалистов. Именно в просветительской и романтической мысли Германии того времени формируется идеал как специальное понятие ценностного, в частности, морального сознания и этического рассуждения. Все это позднее и заложило фундамент философии образования Пирогова, которую В.А. Волкович называл «гуманистическим идеализмом» [5, с. 69].

При этом гуманистический идеал Н.И. Пирогова тесно увязывался с развитием целого направления в педагогике – с «гуманистической педагогикой», суть которой – внимание к воспитаннику как целостной уникальной личности, стремящейся к максимальной реализации своих возможностей (самоактуализации), использования своих способностей, направленных на целесообразное разрешение жизненных ситуаций [6, с. 10–11].

Нельзя не подчеркнуть и еще одно важное обстоятельство. Невозможно понять природу всех органично свойственных Пирогову и так поражавших его современников нравственных качеств – внутреннюю свободу, человеческое достоинство, уважение личности во всех сферах бытия, твердость в своих нравственных убеждениях и бескорыстие души без понимания того, что эти черты сформировались во время его жизни на Западе (входивший в состав Российской империи Дерпт тоже, несомненно, феномен западной цивилизации), а не в николаевской России, где человек с такими нравственными качествами не смог состояться и оказался бы рано или поздно сломан бюрократической машиной.

Следующий важный внутренний этап – это, разумеется, насыщенная научная деятельность врача-ученого Н.И. Пирогова, особенно активно продолжавшаяся с начала 1840-х годов до 1856 года. В это время Пирогов создает свои фундаментальные научные труды, принесшие ему мировую известность. Несомненно, длительная и систематическая исследовательская деятельность, глубокие и плодотворные творческие поиски выковали у Пирогова глубочайшее уважение перед Наукой, а также сформировали у него определенный позитивизм. После переезда ученого в феврале 1841 года в Петербург, где он занимает должность профессора в Медико-хирургической академии, происходит и его более предметное обращение к сфере образования. Министерство народного просвещения, отдавая должное заслугам Н.И. Пирогова в области высшего медицинского образования, избирает его членом медицинской комиссии (позже комитета) по реорганизации медицинского образования в университетах. Здесь важно подчеркнуть и то, что вся многолетняя медицинская деятельность Пирогова, стремившегося быть «врачом не только тел, но и душ», сформировала у него прочные гуманистические убеждения, действенное сострадание к людям, подлинное понимание их психолого-физиологической природы.

Глубочайшее воздействие на всю личность мыслителя оказало произошедшее в 1848 году во время эпидемии чумы его **горячее обращение к Богу**. В «Дневнике старого врача» он так вспоминал об этом: «Мне нужен был отвлеченный, недостижимый высокий идеал веры. И принявшись за Евангелие, я нашел для себя этот идеал» [7, с. 181].

Так в личности Пирогова произошла индивидуализация универсального идеала – он принял персонифицированные формы, трансформируясь в личный идеал. При этом произошла конкретизация этого идеала в образе Бога при сохранении его абсолютных характеристик.

В состоянии глубокого душевного обновления Пирогов вновь задумывается о высших субстанциях и категориях как ценностях, раскрывающих перед человеком более обширные перспективы. Постепенно у него начинает выкристаллизовываться идея воспитания «истинных людей» с развитыми умственными способностями, нравственной свободой мысли и убеждениями, искренне

любящих правду и готовых стоять за нее горю, способных к самопознанию и самопожертвованию.

Это особенно рельефно видно в его письмах к будущей жене баронессе А.А. Бисторм (1849–50) [8, с. 7–8]. Не случайно полное название его знаменитой статьи – «Вопросы жизни, отрывок из забытых бумаг, выведенных в свет неофициальными статьями “Морского сборника” о воспитании».

И, наконец, Крымская война, в которой Н.И. Пирогов принимал участие, начиная с октября 1854 года, самым непосредственным образом повлияла на его мировоззрение. С театра военных действий он вынес презрение и ненависть к бюрократии, к постоянной подмене формой настоящего дела. А также глубокое убеждение в том, что **кардинальным недостатком людей является отсутствие духовно-нравственного стержня, высоких человеческих идеалов, что в свою очередь является следствием отсутствия истинной подготовки человека к жизни.**

Характерно, что, вернувшись в Петербург, на приеме у Александра II Пирогов резко критически рассказал императору о проблемах в войсках, а также поведал об общей отсталости русской армии и ее вооружения, чем навсегда испортил отношения с императором. Это еще раз подтверждает наличие ярко выраженного идеала в мировоззрении Н.И. Пирогова, которое было связано с наличием непоколебимых убеждений, абсолютной верой в правоту избранных идей.

Таким образом, можно констатировать, что в педагогику Николай Иванович Пирогов пришел в возрасте 45 лет, человеком зрелым, со сложившимися глубокими и стойкими убеждениями, оригинальной и целостной философской картиной мира, продуманной концепцией реформирования процессов воспитания молодежи. Подчеркнем при этом, что именно пережитый им собственный жизненный опыт и станет тем корнем, откуда растут все взгляды Пирогова, так поражающие потомков своей непоследовательностью: его осторожная, чуткая к реальной жизненной сложности позиция до конца не будет близка никаким доктринерам, желающим последовательного проведения любой ценой своих благородных принципов [9, с. 17].

Второй, хронологически короткий, но очень насыщенный философско-педагогический период формирования идеалов Н.И. Пирогова приходится на 1855–56 годы. В это время окончательно складывается целеценностная основа его педагогической системы. О причинах обращения врача к педагогической деятельности емко и образно написал Н.П. Сакулин «Под гнетущим впечатлением от Севастопольской войны, Н.И. Пирогов погрузился в скорбную гражданскую думу. Гражданин побеждает в Пирогове врача и ученого. Он приходит к глубокому убеждению, что мы “истинного прогресса можем достигнуть одним, единственным путем воспитания”, что воспитание “после религии, самая высокая сторона нашей общественной жизни”» [10, с. 12].

Внешний импульс обращения Н.И. Пирогова к педагогической проблематике носит частный и в известной мере случайный характер. Редакция журнала «Морской сборник» предложила ученому написать статью о возможных изменениях в содержании образования и учебно-воспитательном процессе в морских кадетских корпусах. Итогом этого явилась опубликованная бесцензурно в июльском 1856 года выпуске журнала программная статья Пирогова «Вопросы жизни», сразу привлекавшая к ней большое общественное внимание и вызвавшая огромный резонанс.

Почему же это произошло? Ведь и до статьи Пирогова, и после нее на страницах «Морского сборника» публиковались различные педагогические статьи, в том числе и на широкие общечеловеческие темы. Их авторами были известные ученые – педагоги, видные деятели того времени, например В.И. Даль, – но на них никто не обращал особого внимания [11, с. 209–210].

Да и к центральной проблематике статьи Пирогова – общечеловеческому воспитанию – до Николая Ивановича уже обращалось немало не только выдающихся западных, но и отечественных педагогов. Их статьи выходили в различных журналах и проходили практически незамеченными. Здесь же произошел настоящий фурор. По выражению Н.С. Карцова, «первоклассный хирург сразу является глубоким педагогом–мыслителем» [12, с. 16].

Произошедший громкий общественный резонанс был вызван сочетанием ряда обстоятельств. Прежде всего, конечно же, именем автора. Крымская война, героизм и трагедия Севастополя, в обороне которого хирург Пирогов принимал самое действенное участие, сделало его, по сути, национальным героем и привлекло внимание к личности Николая Ивановича большой общественный интерес.

Сказалось, несомненно, и то, в каком печатном органе была опубликована эта статья. На первый взгляд специальный журнал морского ведомства не лучшее место для публикации программных педагогических манифестов. Но такой вывод может сделать только поверхностный человек. «Морской сборник» в то время лично патронировался Великим князем Константином – очень прогрессивным государственным деятелем, убежденным реформатором. И благодаря этому, публикация статьи Пирогова в таком значимом журнале сразу придавала ей государственный, почти императорский статус. Более того, статья была незамедлительно перепечатана в приложении за 1856 год в педагогическом офицозе – «Журнале Министерства народного просвещения» (№ 9) с многозначительной сноской «печатается по указанию Министра народного просвещения».

Все это придало «Вопросам жизни» чуть ли не статус официальной педагогической концепции, новой государственной философии образования, которую педагогам необходимо было не только изучать, но и выполнять.

Ну и окончательно ввела «Вопросы жизни» в круг самых обсуждаемых публикаций статья Н.А. Добролюбова «О значении авторитета в воспитании», вышедшая в майском номере 1857 года самого известного и популярного тогда общественно-литературного журнала «Современник», где была дана самая благожелательная оценка статьи Пирогова. В публикации отмечалось, что ни одна из прежних статей, посвященных воспитанию, «не имела такого полного и блестящего успеха, как “Вопросы жизни”». Они поразили всех и светлостью взгляда, и благородным направлением мысли автора, и пламенной, живой диалектикой, и художественным представлением затронутого вопроса» [13, с. 493]. Собственно, благодаря Добролюбову и через Добролюбова самые широкие круги читателей, далекие от таких специальных изданий как «Морской сборник» и «Журнал Министерства народного просвещения» познакомились с содержанием «Вопросов жизни». В целом, высокую оценку «Вопросы жизни» получили у другого тогдашнего властителя дум – Н.Г. Чернышевского [14].

Однако не эти, пусть и очень значимые, обстоятельства сыграли ведущую роль в огромном эффекте, произведенном в обществе статьей «Вопросы жизни». Самым непосредственным образом сказала та тяжелая общественно-политическая обстановка, которая сложилась в России после поражения в Крымской войне и унижительного Парижского мира. И в обществе, и в правительственных кругах крепло убеждение, что «так жить нельзя», что необходимы кардинальные реформы. И эти Великие реформы 1860-х годов, начавшиеся с освобождения крестьян в феврале 1861 года, через некоторое время последуют.

Но при крепнувшем убеждении в необходимости реформ летом 1856 года их идеология и программа пока отсутствовали. И великая заслуга Н.И. Пирогова состоит в том, что он смог предложить униженному и растерянному российскому обществу такую программу в сфере образования. По выражению Н.П. Сакулина, «Пирогов явился перед лицом русского общества в качестве публициста-мыслителя тогда, когда началось духовное пробуждение страны; с суровой прямоотой и непобедимой искренностью поставил он вопросы: так ли мы живем, как нужно? Чего мы желаем? Он призывал русского человека к грозной исповеди перед своей совестью, к принципиальному пересмотру основ жизни» [10, с. 23].

Именно искренность статьи, наряду с ее фундаментальностью, глубиной, целостностью и всесторонностью, окончательно определили тот невиданный в отечественной педагогике, ни до – ни после, общественный резонанс. Она сразу стала крупным общественным явлением. И в результате очень существенным образом изменила и судьбу самого Николая Ивановича Пирогова.

Третий период – общепедагогический – охватывает время с осени 1856 по февраль 1861 года. Главное содержание этого центрального периода состоит в детальной педагогической инструментровке Н.И. Пироговым системы педагогических идеалов и апробации их в управленческо-педагогической деятельности. Н.И. Пирогов, по предложению министра народного просвещения А.С. Норова, последовавшего 3 сентября, в начале октября 1856 года занял должность попечителя Одесского учебного округа. Как писали в советской истории педагогики, это произошло «под давлением передовой общественности». На самом деле, назначение произошло по настоянию поддерживавших Николая Ивановича Великой княгини Елены Павловны и Великого князя Константина [15, с. 329–330].

Для Н.И. Пирогова это было, конечно, очень серьезное решение. Ведь не только кардинально менялась сфера его профессиональной деятельности – педагогика на медицину, но изменилось и ее содержание. Вместо привычной научной, преподавательской работы, врачебной практики Н.И. Пирогову предстояло на генеральской должности заниматься серьезной административной деятельностью. Как написал Н.П. Сакулин, «знаменитый хирург проникся чисто евангельской верой в воспитание и решается на настоящий жизненный подвиг: он круто порывает со своим славным прошлым и делается педагогом» [10, с. 12].

Сохранились письма Пирогова, где он описывает свое душевное состояние в связи с назначением. Великому князю Константину Павловичу он писал: «Как отец и как русский я постигаю всю важность воспитания для нашей земли и искренне желаю его видеть основанным не на одних временных потребностях страны, но на началах более глубоких и верных».

А в письме верному другу баронессе Ф.Э. Раден он так изложил свое кредо: «Я от своей независимости и от своих убеждений не отказываюсь. И ничего не ищу. Если действительно желают, чтобы я мог быть полезным, то пусть меня не останавливают на полпути; этими полпутями я следовал уже много раз: теперь я не хочу больше действовать против своей совести и своих убеждений; для этого я может быть слишком хорош, может быть слишком глуп» (Цит. по 15, с. 330).

Как емко написал А.Н. Острогорский, «на свой пост педагога-администратора Пирогов пошел, чувствуя себя миссионером, учителем жизни, проповедником высокой и святой идеи, почерпнутых из уроков и из земной жизни Богочеловека» [16, с. 112].

Приведем также суждение Н.С. Державина: «На педагогическом поприще Пирогов явился, как общественный деятель с ясным, точным и определенным мирозерцанием, с готовыми решениями по всем мельчайшим вопросам педагогической практики и притом с решениями не шаблонными, но глубоко продуманными и оригинальными» [17, с. 3].

Впрочем, решение Н.И. Пирогова согласиться с предложением занять пост попечителя учебного округа в известной степени логично вытекало из всех предшествующих событий. Еще 4 января 1856 года вскоре после возвращения с Крымской войны Николай Иванович подал рапорт об уходе из Медико-хирургической академии, мотивируя это своим «расстроенным здоровьем и домашними обстоятельствами» [6, с. 9]. В июле 1856 года был подписан приказ об увольнении Пирогова, что на удивление синхронно совпало с публикацией «Вопросов жизни». Так что предложение министра народного просвещения в известной степени разрешало возникшую служебную и личную коллизию. Тем более, что это назначение давало очень высокий чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-полковника.

Результаты деятельности Н.И. Пирогова на посту попечителя сначала Одесского, а после отставки с этой должности с сентября 1858 по март 1861 попечителя Киевского учебного округа всегда оцениваются двояко. С одной стороны, отмечается безусловный мощный личный вклад Пирогова, как он сам себя называл «попечителя – миссионера», в развитие просвещения и образования на территории этих учебных округов, который проявлялся буквально во всем. Как отмечал в данной связи А.А. Мусин-Пушкин, «это был редкий Попечитель – вдумчивый философ, всегда проводивший серьезную педагогическую реформу, заранее всесторонне продуманную, являющуюся результатом не случайной мысли, а целой педагогической системы, неукоснительно им проводимой» [18, с. 27].

Вместе с тем, если посмотреть на это со стороны личной карьеры, то его деятельность, действительно, вряд ли можно признать успешной. Причины отставок Н.И. Пирогова с постов попечителя учебных округов, разумеется, объясняются тем жестким противостоянием, которое он встретил со стороны всего бюрократического аппарата, мгновенно почувствовавшего в нем опасного чужака. Обвинения, которые предъявлялись Н.И. Пирогову, были достаточно традиционны для реформаторов в сфере образования второй половины XIX – начала XX века. Резкое недовольство со стороны влиятельных русских националистов вызывала его стремление к созданию равных условий для получения образования поляков и евреев. В этом, естественно, виделись не только опасные политические последствия, но и «притеснение интересов русского народа».

Крайне опасной считалась деятельность попечителя по просвещению широких слоев трудящихся, выразившаяся, в частности, в поддержке открытия в Киеве первой воскресной школы. Эти

школы сразу же попали под подозрение, прямо скажем небезосновательное, в распространении революционных идей.

Но особенно раздражал бюрократию подлинный демократизм Н.И. Пирогова, его стремление решительно поддерживать различные формы самостоятельных организаций и объединений студенчества, гимназистов старших классов. В этом чиновничестве виделась исключительно опасность распространения «вольнодумства и нигилизма».

Разумеется, все эти радикальные течения не имели к самому Пирогову никакого отношения. По своим общественно-политическим взглядам Николай Иванович никогда не был радикалом. Он всегда почитал верховную власть, был государственным человеком в самом высшем значении этого слова. К революционным движениям 60–70-х годов относился, безусловно, отрицательно, горячо возмущался террористическими действиями «крамольников», а социализм считал «чистейшей утопией, угрожающей свободе личности» [10, с. 29].

Кстати, это создавало для советских исследователей педагогического наследия Н.И. Пирогова существенные трудности в трактовке его политического кредо. Так А.А. Красновский в обстоятельной монографии «Педагогические идеи Н.И. Пирогова» (М., 1948) с сожалением отметив, что «в политическом смысле он не был революционером», подчеркнул, что «педагогические позиции Пирогова теснейшим образом сплетались с политическими стремлениями демократического либерализма». При этом, по мнению профессора, «гуманизм Пирогова являлся гуманизмом буржуазного просветителя. Только гении человечества Ленин и Сталин дали учение подлинного гуманизма, подлинной человеческой культуры, подлинной заботы о человеке» [19, с. 92–93, с. 101].

Сами же непосредственные поводы для отставок просто поражают своей смехотворностью. Так с должности попечителя Одесского учебного округа, Н.И. Пирогову пришлось уйти из-за одобренной им вечеринки студентов Ришельевского лицея, шумно отметивших сообщение в бельгийской газете «Independence Belge» о том, что в России начата подготовка отмены крепостного права. То есть, по сути, горячо и верноподданно поддержавших действия верховной власти.

Что касается поводов к отставке с поста попечителя Киевского учебного округа, то здесь, несомненно, сыграл свою роль комплекс до конца не выясненных обстоятельств. Среди них было и прямое недовольство начальства, и клеветнический донос. Но, разумеется, проблема была более сложной. Пирогов так писал об этом: «Как ни обширна и ни благотворна могла бы быть деятельность лица, которому вверяется просвещение края, но на деле, когда правительство все внимание сосредоточивает на, в сущности, неизбежных тревожностях корпоративной жизни учащегося поколения, эта деятельность, принимает характер чисто полицейской» [20, с. 197].

Непосредственным же поводом стал решительный отказ, высказанный Н.И. Пироговым на личной встрече с императором Александром II, выполнять надзорно-полицейские функции по отношению к студентам, которые с начала 1861 года возлагались на попечителей учебных округов.

Все эти обстоятельства и привели, согласно указу от 13 марта 1861 года, к увольнению Пирогова с поста попечителя Киевского учебного округа. Отказался он и от предложенной ему должности члена совета Министерства народного просвещения. Пирогова опять «остановили на полпути». Как с горечью написал Николай Иванович в частном письме баронессе Реден, «во мне не хватает чего-то, чем необходимо обладать, чтобы **быть** приятным и **казаться** полезным» (Цит. по 21, с. 23).

Так или иначе, **сразу после отмены крепостного права и начала этапа прогрессивного развития всех сторон общественной жизни, особенно образования, Н.И. Пирогов парадоксально и несправедливо оказался не у дел, хотя как раз наступало его историческое время.** Как отмечал Н.С. Державин, «Пирогов воспитал в себе лучшие идеалы великой эпохи, эпохи широкого гуманизма и просветительных идей, и внес их в свою педагогическую деятельность. Он хотел поднять современную ему школу до уровня своих высоких идеалов, и, если достичь этого ему и не всегда удавалось, то, конечно, не потому, что в нем не было достаточно энергии, воли, настойчивости и характера, не потому, что идеалы его были слишком далеки от действительных нужд современной школьной жизни. Идеалов жизни Пирогов не мог осуществить в сфере своей школьной работы, потому что в окружающей его жизни эти идеалы были еще только намечены» [17, с. 3–4].

Правительство еще дважды обращалось к Николаю Ивановичу с предложениями послужить на педагогическом поприще. Сначала новый министр народного просвещения А.В. Головнин предложил Пирогову провести своеобразную ревизию постановки учебного процесса на медицинских

факультетах российских университетов, с целью совершенствования этой деятельности. Но этот проект так и не получил своей практической реализации.

А вот другое предложение оказалось принятым. И оно знаменовало начало **четвертого – «университетского» – периода развития философско-педагогической системы Н.И. Пирогова, охватывающего время с 1862 по 1866 годы.** Содержательно этот период был посвящен распространению идей и взглядов, наработанных мыслителем в предыдущий период преимущественно на сферу высшего образования.

Весной 1862 года Н.И. Пирогов был командирован за границу «для исполнения разных трудов по учебной и педагогической части». Главное поручение министра народного просвещения состояло «в руководстве и направлении молодых людей, готовящихся к профессорской деятельности». И здесь Н.И. Пирогов проявил свои способности и столь присущую ему ответственность. Он посетил свыше 20 европейских университетов, ознакомился с построением в них образовательного процесса. Умело направлял научную работу молодых ученых и поддерживал их стремления и начинания.

Однако в 1866 году после покушения Д.В. Каракозова на Александра II и начавшейся смены политического курса, связанного с постепенным сворачиванием реформ, Н.И. Пирогов был отозван в Россию и отправлен 17 июня 1866 года в отставку. Опять же по смехотворному внешнему поводу, изложенному министром народного просвещения Д.А. Толстым в докладе Александру II следующим образом: «Принимая во внимание, что наши университеты преимущественно нуждаются в профессорах по наукам филологическим, я нахожу, что пребывание за границей Н. Пирогова, как специалиста по наукам медицинским, не представляется существенно необходимым для наших профессорских кандидатов» [6, с. 12–13].

После этого к педагогической деятельности Н.И. Пирогов больше не вернулся. Поселившись в своем небольшом имении с. Вишня Подольской губернии (ныне Винницкой области) он продолжил частную врачебную деятельность.

Однако было бы совершенно неправомерно исключать это время конца 1860-х–70-х годов из общего процесса развития системы педагогических идеалов Н.И. Пирогова.

Пятый период можно охарактеризовать как рефлексивно-педагогический. Он охватывает время от конца 60-х годов до смерти Н.И. Пирогова 23 ноября (5 декабря) 1881 года.

Главное содержание этого периода состоит в осмыслении им в «Дневнике старого врача», который Пирогов писал буквально до последнего вздоха, своего жизненного, в том числе и педагогического, пути и формулирования на этой основе корпуса значимых идей. По выражению Ф.А. Кони «оставленный Пироговым “Дневник старого врача” дает возможность заглянуть в его душу не как общественного деятеля и знаменитого ученого: он дает возможность услышать голос сердца человека, того человека, которого Пирогов хотел воспитать бы в каждом юноше. Это сердце преисполнено глубокой и трогательной веры в высший Промысел и умиления перед заветами Христа. Жизнь учит, что Христос имел много слуг, но мало действительных последователей. Одним из них был Пирогов» [21, с. 26].

В каком же виде можно представить целостный образ педагогических идеалов Н.И. Пирогова? Сразу подчеркнем – **мыслителем была разработана охватывающая все страты новая педагогическая парадигма – от ее высших идеалов до конкретных технологий их реализации.** Причем научно-исследовательская деятельность по разработке данной парадигмы носила целенаправленный и последовательный во времени и пространстве характер, что рельефно отразилось в корпусе его основных работ.

В основе педагогической системы Пирогова лежала глубокая любовь к человеку и человечеству, определяющая его доведенный до высшего напряжения идеализм. Сам Н.И. Пирогов так писал об этом: «Итак, я остаюсь при моем убеждении, что, задавая себе вопрос, **чего мы желаем**, мы открываем себе путь к идеальной стороне каждого дела; решая этот вопрос, мы узнаем, насколько мы еще отделены от идеала, и с тем вместе узнаем самих себя. Ясно ли это для других – не знаю; но я, при моем складе ума, никогда не пойму, чтобы идеал, как ложный признак недостижимого совершенства, не мог руководить нами ни в действиях, ни в суждениях. Идеальное мне представляется нитью электрического телеграфа, один конец которого тянется к нам чрез всю земную

жизнь, а другой исчезает в беспредельности. Как идея времени, пространства, числа и меры, так и идея совершенства, служащая незримою мерою наших действий, присущи человеку» [22, с. 115].

Сразу подчеркнем, что **целесообразная страта философии образования, разработанной Н.И. Пироговым, носила ярко выраженный религиозный характер**, но в особом, присущем Пирогову общечеловеческом виде. По его убеждению «учение Спасителя, нарушив хаос нравственного произвола, указало человечеству прямой путь, определило и цель, и средоточие житейских стремлений. Найдя в Откровении самый главный вопрос жизни – о цели нашего бытия – разрешенным, казалось бы, человечество ничего другого не должно делать, как следовать с убеждением и верой по определенной стезе» [4, с. 30].

Однако, поскольку этого не происходило, отсюда исходный пункт его педагогического мировоззрения: надо преодолеть противоречие между официально признанными христианскими идеалами общества тогдашней России и духом стяжательства и наживы, характерными для большинства ее представителей. И, наряду с этим, преодолеть другое противоречие, вызванное тем, что «самые существенные основы нашего воспитания находятся в совершеннейшем разладе с направлением, которому следует общество» [4, с. 32].

Цель педагогической деятельности в широком смысле виделась ему в подготовке человека к жизни вечной, спасении его бессмертной души. В этом ракурсе интерпретаторы Пирогова отмечали, что он в известном смысле жертвовал земной жизнью человека.

Вместе с тем это не совсем так. Опыт Крымской войны убедил Н.И. Пирогова в том, что для человека жизненно необходимы внутренние идеалы. И человек, имеющий эти идеалы, сохраняющий внутренний стержень – это и есть настоящий гражданин своей Родины. Отсюда центральный тезис, провозглашенный в «Вопросах жизни»: необходимо «приготовить нас воспитанием к внутренней борьбе, неминуемой и роковой, доставив нам все способы и всю энергию выдержать неравный бой. Приготовить нас с юных лет к этой борьбе – значит именно: *Сделать нас людьми*, т.е. тем, чего не достигнет ни одна наша реальная школа в мире, заботясь сделать из нас *с самого нашего детства* негоциантов, солдат, моряков, духовных пастырей или юристов» [4, с. 36].

Пироговым подробно обоснован процесс подготовки этого «юного атлета жизненной борьбы». Он должен «иметь от природы хотя какое-нибудь *притязание на ум и чувства*». Но и воспитание «не должно делать детей, одаренных благими дарами творца, бессмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противникам необходимого на земле авторитета, суемудрыми приверженцами грубого материализма, восторженными рачителями чувства и воли, холодными адептами разума» [4, с. 41].

Мыслитель подчеркивал, что «убеждения может иметь тот, кто приучен с ранних лет проникательно смотреть в себя, кто приучен с первых лет жизни любить искренно правду, стоять за нее горою и быть непринужденно откровенным как с наставниками, так и со сверстниками. А эти свойства достигаются верой, вдохновением, нравственной свободой мысли, способностью отвлечения, упражнением в самопознании» [4, с. 46].

Такая философия образования ученого, конечно, противостояла всем имеющимся тогда образовательно-аксиологическим картинам. И государственной, и церковной, и либерально-демократической, и революционной. Подобный же вывод можно сделать и по отношению к современной Пирогову школе, системе образования в целом, которые он искренне хотел поднять до уровня своих высоких идеалов.

В данной связи следующей стратой размышлений Н.И. Пирогова являлась **проблема взаимоотношения школы и общества, школы и жизни**. Здесь он равно отвергал оба существовавших тогда варианта. Ему было неприемлемо искусственное отгораживание школы от жизни путем организации воспитания в закрытых учебных заведениях, что составляло основу идеологии Просвещения. Но и подчинять жизнь и строй школы существующим государству, церкви и, особенно, обществу, которое он считал глубоко порочным, мыслитель тоже решительно отказывался.

По его убеждению, «именно школа несет в себе идеальную составляющую, которая противостоит предметно-утилитарной направленности жизни». Но для этого школа должна была «четко определиться с целями и задачами своей не только текущей, но и перспективной деятельности, поскольку школа не иначе может совершенно и нераздельно слиться с жизнью, как приняв на себя дело и общечеловеческого, и специального образования» [23, с. 205].

Разрешение сложившегося противоречия виделось Пирогову в **превращении школы в лабораторию выращивания государственных и общественных идеалов и последовательного распространения этих высоких идеалов на жизнь общества**. То есть школе в его философии образования придавалась опережающая и формирующая по отношению к общественным структурам роль. Для этого школа должна была «восстановить свое прямое предназначение – быть руководителем жизни на пути к будущему». По Пирогову, школа получит «нравственное право на гегемонию в прогрессе, а не готовность следовать... не все ли равно куда» только тогда, «когда все дарования и способности, все благие и высокие стремления найдут в школе средства к бесконечному и всестороннему развитию, без рановременных забот об их приложении» [24, с. 2].

Центральной категорией в педагогической системе Н.И. Пирогова являлось понятие «человечность». По сути уже в своем знаменитом эпитафье к «Вопросам жизни» он сформулировал направленность своих педагогических устремлений. Именно воспитание человека выступало основной целью всей его педагогической деятельности, определяло идеальную конструкцию образовательного процесса. Здесь он напрямую следовал указанию Бога «ищи быть и будь человеком».

С точки зрения мыслителя «перед человеком стояли две задачи: ясно поставить перед собою цель жизни, разумную и нравственную, и понятую высшую цель жизни осуществить на земле, то есть перевести идеал мысли в дело жизни» [5, с. 70]. И здесь главной задачей выступало развитие Бога в человеке, совершенного Богочеловека.

По мнению В.А. Волковича, «основная задача воспитательной теории Пирогова: осуществление идеала, носителем которого является человек, путем борьбы, *процесса жизненного делания добра* во имя любви для лучшего грядущего, социального и культурного переворота – водворения Царства Божия на земле» [5, с. 77].

В данной связи, именно периоду детства и ранней юности мыслитель придавал главное значение в своей философии образования. Он был глубоко убежден, что в личности ребенка от Бога уже заложено все, чтобы он стал человеком и в итоге смог обрести спасение своей бессмертной души и жить вечно.

Здесь он непосредственно апеллировал к Священному писанию: «Если вы не будете как дети, вы не войдете в царствие небесное». Исходя из того, что дети готовы войти в царствие небесное, он и **строил свою философию образования, которая имела трансцендентальное основание**.

Для Пирогова «идеалом являлся непосредственный монизм детской души». С позиций педагогической антропологии Н.И. Пирогов выделял следующие несущие основы личности ребенка, которые объективно способствуют воспитанию у него человечности и религиозности: у ребенка уже есть образ Божий – «девственно фантастический мир дитяти»; ему присуща детская простота; и главное – личность ребенка едина [10, с. 24].

Отсюда вытекала центральная педагогическая задача – предотвратить или, как минимум, насколько возможно отсрочить столь опасный и чреватый, по убеждению Пирогова, раскол личности, ее дуализм, выраженный им в известном противоречии «Быть» и «Казаться». По Пирогову «Быть» – осознавать себя самоценной и самодостаточной человеческой личностью, стремиться к идеалам Веры, Добра, Справедливости, Патриотизма. «Казаться» – значит не жить полноценной самостоятельной жизнью, а играть, исполнять отведенную тебе роль [25, с. 47].

С этим положением непосредственно связан и подчеркнуто общечеловеческий характер педагогической философии Н.И. Пирогова. По образному выражению П.Ф. Каптерева: «под мундиром военного, под рясой священника, под сермягой мужика он хотел подслушать биение человеческого сердца, помимо профессиональных отношений выяснить общечеловеческие связи, всемирные идеалы» [3, с. 22].

Укажем, что в данном аспекте в историко-педагогической литературе Н.И. Пирогова традиционно противопоставляли с К.Д. Ушинским, который жестко отстаивал национальные воспитательные ценности в противовес общечеловеческим. Однако такое лобовое противопоставление представляется надуманным. Дело в том, что для Н.И. Пирогова, универсальное, общечеловеческое – суть национальное, которое он возводил в Абсолют. В совмещении индивидуального и социального в общечеловеческом или сверхнациональном заключается «новое обнаружение национального облика Н.И. Пирогова. Признание *сверхнационального ничто иное, как выражение рели-*

гиозного идеалистического настроения русского народа, которым так богато насыщена душа Пирогова» [5, с. 108].

Другое дело, что мыслитель всегда стоял на позиции общечеловеческой культурной роли просвещения. Хорошо написал об этом В.А. Волкович: «Н.И. Пирогов в слове и деле отдал себя самого русскому народу; он создал пережитую им полную систему воспитания; он спас русский народ от застарелого греха – пренебрежения делом истинного образования и воспитания; он через себя открыл нам нас самих и, отыскав лучшее в нас, обнаружив и обнаруживая это светлое, вдохнул в нас веру в будущее, заставил полюбить наш народ для блага человечества, как истинный друг его» [5, с. 34].

Пожалуй, именно в этом и проявлялся высокий идеализм мыслителя, убежденного, что необходимо быть человеком в настоящем значении этого слова, что «жизнь без сознательных идеальных стремлений печальна, бесцветна и бесплодна». В основе педагогической концепции Н.И. Пирогова лежит просветительская идея: сначала научиться быть человеком», а затем гражданином своей страны, приносящим ей пользу своим трудом». В данной связи им ставилась стратегическая задача в сфере воспитания «научить детей с ранних лет подчинять материальную сторону жизни нравственной и духовной» [25, с. 47].

Казалось бы, здесь явно просматривается насилие над детской природой. Однако Пирогов постоянно подчеркивал необходимость идти от духовного мира ребенка, от его «чуждого, детского мира». По сути, в этом послыле и заключается педагогическая стратегия Пирогова, которая состояла в том, чтобы выделить специальный длительный период формирования личности ребенка – пробуждения в нем подлинной веры и воспитания человечности. Стержневая мысль педагогической концепции Н.И. Пирогова: «Дайте выработаться и развиваться внутреннему человеку!». «Не спешите с вашей прикладной реальностью, – призывал он, – дайте созреть и окрепнуть “внутреннему человеку”: наружный успеет еще действовать: он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть не так сговорчив и ловок, как воспитанники реальных школ, но зато на него можно будет положиться: он не за свое не возьмется. Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы: а главное, у вас будут люди и граждане» [4, с. 37].

В данной связи педагогом выстраивался и определенный порядок воспитательных воздействий, под которыми он понимал формирование духовно-нравственных основ личности, которая «сознательно и целеустремленно развивает свои силы и способности для блага общества» [26, с. 86].

Сначала воспитание должно быть обращено исключительно или, по меньшей мере, приоритетно, к душе ребенка, «надо дать время состояться и вызреть его душе». И только затем следует развивать ум и сердце. **Квинтэссенция воспитательных воздействий заключалась в том, чтобы формирующаяся личность успела стать человеком, на основе внутренних духовных сил, пока не наступил неизбежный дуализм.** Именно с этим принципиальным для Пирогова постулатом и было связано столь жесткое и шокирующее современных читателей неприятие им всех форм раннего интеллектуального развития, а особенно включения детей в различные театральные постановки (как стимулирующих у них опасный искус «казаться, а не быть») и любую соревновательную деятельность.

В идеале данный период «воспитания внутреннего человека» должен был охватывать все время получения общего образования, то есть до окончания гимназии, но, по крайней мере, до 14–15 лет. Именно отсюда столь страстное неприятие Н.И. Пироговым специального образования, введения любых предпрофессиональных и профессиональных знаний, предметов, дисциплин в среднее образование.

Главная цель школы – воспитать в человеке свободную сознательную личность. По убеждению Н.И. Пирогова, в задачу воспитания должно входить «возведение добрых инстинктов детской натуры в сознательное стремление к идеалам добра и правды, постепенное образование нравственных современных убеждений, образование твердой и свободной воли и, следовательно, воспитание тех гражданских и человеческих доблестей, которые составляют лучшее украшение времени и общества» [27, с. 175].

В данной связи педагог требовал от школы «подготовки людей, способных стать *руководителями жизни, а не ее слугами*; подготовки сознательных работников, а не бессловесных исполните-

лей; членов общества, способных не приспособляться к житейскому злу и уживаться с ним, а людей, научившихся понимать это зло и умеющих бороться с ним» [24, с. 1–2].

В достижении идеала высоконравственной личности, по Пирогову, должны соединиться усилия самого человека и системы истинного человеческого воспитания. Подлинная ценность человека определяется нравственным достоинством, благородной направленностью его деятельности, стремлением к добру и справедливости, соответствием слов и дел. Нравственное формирование личности нельзя считать завершенным, если у человека не выработалось сознательное стремление к самосовершенствованию, желание путем напряженной внутренней работы выработать у себя твердые нравственные убеждения, найти свой нравственный идеал, развить у себя волю и характер, необходимый для борьбы за свои убеждения. Нравственно сформированный человек имеет твердую мировоззренческую позицию и действует в соответствии с ней. Это требует неустанной работы над собой, умения вглядываться в свой внутренний мир, честно признавать свои ошибки и недостатки, преодолевать в себе неизменные и эгоистические стремления [26, с. 89].

Именно в этом ракурсе и принципиально расходился Пирогов с образовательно-воспитательной деятельностью, как семьи, так и общества, и государства. Ему в равной мере были не приемлемы и общественные устремления, в прикладной плоскости центрирующие процесс образования только на «земной жизни», и государственная образовательная политика, рассматривающая личность ребенка и цели воспитания исключительно инструментально. В то время как они «должны помогать достижению всецелого и всестороннего развития способностей и добрых наклонностей ребенка» [4, с. 200].

Вместе с тем гуманист отвергал и традиционные приоритеты семейного воспитания, которые он считал сугубо утилитарными: профессиональная подготовка ребенка, чтобы обеспечить ему в будущем кусок хлеба, желательно за счет общества и воспитание его в соответствии с нормами того сословия, к которому принадлежат родители. «Без сомнения, писал Н.И. Пирогов, и отцы, и общество должны заботиться о будущем детей; но это право ограничивается обязанностью все-сторонне развивать все целое и все благое, чем наделил их творец, другого права нет и быть не может без посягательства на личность, которая одинаково неприкосновенна и в ребенке, и во взрослом» [23, с. 200].

Такое понимание философии воспитания и педагогической аксиологии Н.И. Пирогова дает нам ключ для трактовки, а главное, адекватного понимания последующих страт его педагогической системы. Достоинством Н.И. Пирогова является то, что он не ограничился декларированием общих подходов к воспитанию человечности, но и предложил продуктивные методы и формы достижения такой высокой цели. При этом надо учитывать мудрое суждение А.Н. Острогорского, подчеркивающего, что «система Пирогова – цельная система. Вынь из нее один камень, начнут выпадать один за другим и остальные» [16, с. 18].

Так, например, в качестве **главных воспитательных факторов** им признавались такие категории как Совесть и Стыд. Наказание должно быть естественным следствием из совершенного проступка. Он вопрошал: «Неужели нужно у ребенка поставить совесть в зависимость от розги? Хорошо ли приучать совесть, это свободное чувство человека с самых юных лет его, в зависимости от телесных или даже и духовных, но более зависимых ощущений?» [28, с. 103].

Именно поэтому он выступал против телесных наказаний учащихся или стремился их максимально ограничить, что ему и удалось в рамках отдельно взятого Киевского учебного округа. Мыслитель-гуманист был глубоко убежден, что любое внешнее наказание избавляет наказываемого от главного – мук совести, переживания стыда. И этим делает само наказание не просто бессмысленным, но и крайне вредным для процесса воспитания человека. Оно, по сути, лишает педагога важнейших воспитательных средств апеллирования к стыду и совести.

Хорошо о месте и роли Николая Ивановича Пирогова в развитии российского образования написал Н.П. Сакулин: «Вошел Пирогов в русскую школу, и в ней сразу стало светло и радостно. Он как бы распахнул двери в затхлые подвалы дореформенной школы, и сюда ворвался теплый луч солнца, струя свежего воздуха, шум жизни. Старому заматерелому в рутине педагогу не оставалось ничего другого, как собрать свои обломанные розги и истрепанные учебники, и с мрачным видом покинуть класс обновляемой школы. Пирогов явился педагогом-освободителем: он внес в школу такие освободительные начала, которых не знала дореформенная школа, и в которых нуж-

далась Россия. Под его непосредственным влиянием начала быстро развиваться наша педагогическая мысль. Пирогов рисуется нам одной из крупнейших фигур своей эпохи, человеком, воплотившим в себе дух реформаторства и свободы» [10, с. 45].

Воистину, такие люди как Николай Иванович Пирогов уходят только для того, чтобы остаться навсегда.

Литература:

1. Золотарев С.А. Взгляды Н.И. Пирогова на организацию школьного дела // Современное значение педагогических идей Н.И. Пирогова. СПб, 1911.
2. Сикорский Н.И. Н.И. Пирогов как мыслитель и человек // Памяти Н.И. Пирогова. Киев, 1911.
3. Каптерев П.Ф. Н.И. Пирогов как педагог-гуманист // Современное значение педагогических идей Н.И. Пирогова. СПб, 1911.
4. Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Избранные педагогические сочинения. М.:Педагогика, 1985.
5. Волкович В.А. Друг человечества Н.И. Пирогов. СПб, 1910.
6. Федорук К.Р. Педагогические идеи Н.И. Пирогова как средство гуманистического воспитания учащихся юношеского возраста: Автореф. дис... канд. пед. наук. Смоленск, 2007. С.
7. Пирогов Н.И. Дневник старого врача. М., 1887.
8. Алексюк А.Н., Савенок Г.Г. Педагогические взгляды Н.И. Пирогова // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М.:Педагогика, 1985.
9. Любжин А. Оставить в покое недостижимое. Педагогическое наследие Н.И. Пирогова // Лицейское и гимназическое образование. 2002. № 10.
10. Сакулин Н.П. Н.И. Пирогов как педагог. М., 1907.
11. Порудоминский В.И. Пирогов. М., 1969.
12. Карцов Н.С. Жизнь Н.И. Пирогова // Современное значение педагогических идей Н.И. Пирогова. СПб, 1911.
13. Добролюбов Н.А. О значении авторитета в воспитании Собр. соч. : В 9-ти т. Т.1. -М.:Л., 1961.
14. Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах. «Вопросы жизни» Пирогова // Современник. 1856. кн. VIII
15. Брежнев А.П. Пирогов. М., 1990.
16. Острогорский А.Н. Н.И. Пирогов и его педагогические заветы. СПб, 1914.
17. Державин Н.С. Педагогические идеалы Н.И. Пирогова. Тифлис, 1907.
18. Мусин – Пушкин А.А. Н.И. Пирогов как человек. Пг, 1916.
19. Красновский А.А. Педагогические идеи Н.И. Пирогова. М., 1948.
20. Пирогов Н.И. О необходимости изучения постановки дела народного образования за границей // Избранные педагогические сочинения. М.:Педагогика, 1985.
21. Кони А.Ф. Пирогов и школа жизни // Памяти Николая Ивановича Пирогова. СПб, 1911.
22. Пирогов Н.И. Чего мы желаем? // Избранные педагогические сочинения. М.:Педагогика, 1985.
23. Пирогов Н.И. Школа и жизнь // Избранные педагогические сочинения. М.:Педагогика, 1985.
24. Вагнер В. Школьные идеалы Пирогова и современная действительность. Б.г.Б.м.
25. Егоров П.А., Руднев В.Н. Н.И. Пирогов – русский просветитель // Среднее профессиональное образование. 2006. № 2.
26. Никольская А.А. Н.И. Пирогов: нравственный человек-цель воспитания // Советская педагогика. 1990. № 11.
27. Пирогов Н.И. Образование и воспитание // Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1985.
28. Пирогов Н.И. Нужно ли сечь детей, и сечь в присутствии других детей // Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1985.